

Танк «Алёша». Непробиваемые

Алексей С. Черепанов

Алексей С. Черепанов

Танк «Алёша». Непробиваемые

«Автор»

2026

Черепанов А.

Танк «Алёша». Непробиваемые / А. Черепанов — «Автор», 2026

Основано на реальных событиях. Один подбитый танк против восьми бронемашин. Механика ранило, сталь горит, но экипаж не отступает. «Алёша» уже не машина — он крепость, последний рубеж на пути прорыва. Эта книга — не только хроника легендарного боя, но и пронзительная история четырех сердец, запертых в раскаленной броне. Вы узнаете, что сильнее: воля или технология, и как прямой наводкой из прошлого в сегодня бьют традиции Колобанова и Лавриненко. Подвиг, отлитый в имени «Алёша», — о том, что непробиваемыми оказываются не люди и не броня по отдельности, а их неразделимый сплав.

© Черепанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Сталь и Воля	5
Часть I: Люди внутри стали	7
Часть II: Часовой на краю прорыва	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алексей С. Черепанов

Танк «Алёша». Непробиваемые

Посвящается моей маме - Валентине Р. И всем мамам, которые верят, надеются, любят и ждут.

Пролог: Сталь и Воля

Война — это математика масс. Расчёт тонн металла, мегатонн взрывчатки, тысяч человеческих единиц, движущихся по вектору приказа. Она оперирует дивизиями, бригадами, группировками. В её холодной статистике один танк — лишь микроскопическая величина, песчинка в урагане стали и огня.

Но именно в этой песчинке иногда концентрируется вся вселенная. И тогда она перестаёт быть песчинкой. Она становится вехой.

История знает эти имена, высеченные не на мраморе, а на обгоревшей броне: «Бессмертный» КВ-1 под Расейняем, неделю сковывавший целую дивизию. «Варяг» стальных битв — экипаж Зиновия Колобанова, подбивший из засады 22 танка за полчаса. Эти машины перестали быть просто номерными агрегатами. Они стали символами. Надеждой обороны. Той точкой, где логика войны, основанная на превосходстве сил, даёт сбой, наталкиваясь на превосходство духа.

Почему так происходит? Почему судьба целого участка фронта, а иногда и морального состояния целой армии, может зависеть от одного экипажа в одном подбитом железе?

Ответ — в пространстве между тактикой и мифом. Тактически один удачно расположенный, самозабвенно обороняемый танк — это «пробка» в узкой горловине, это непроходимый огневой мешок, это психологическая ловушка для противника. Он вынуждает его остановиться, развернуться, подставить борт, потерять темп — главный ресурс любой атаки. Он ломает замысел, сеет хаос и несоразмерные потери.

Но есть и второй, мифологический уровень. Война — это царство хаоса, страха и неопределённости. В его центре солдату (и обществу в тылу) необходимы точки опоры. Ясные, простые, неоспоримые доказательства того, что невозможное — возможно. Что сила духа может перевесить силу металла. Что есть предел, через который враг не пройдёт. И когда этот предел олицетворяет собой не абстрактная «оборона», а конкретный танк с именем, конкретные люди, чьи лица скоро узнает страна, — рождается легенда.

Это история не про неуязвимость. Напротив, это история про уязвимость, ставшую оружием. Подбитый, дымящийся, искалеченный танк, продолжающий бой, — это зрелище, парализующее атакующего сильнее, чем целая рота в полной боеготовности. Он отрицает саму логику боя: «подбит — значит уничтожен». Он становится неприступной скалой не вопреки своим ранам, а благодаря им. Его стойкость, видимая и очевидная, превращается в мощнейшее психологическое оружие.

Именно такая судьба была уготована танку с именем «Алёша». Его история — не выдумка пропаганды, а суровая арифметика подвига: один против восьми, ранение против воли, неподвижная сталь против живой цели. Это рассказ о том, как на одном клочке изрытой земли сошлись холодная механика войны и горячая механика человеческого сердца. И как в этой схватке сердце оказалось прочнее брони, а воля — сильнее снаряда.

Это пролог не к рассказу о бое. Это пролог к пониманию той силы, которая заставляет раненого механика-водителя не выпускать рычагов, а заряжающего — в дыму и гари подавать

снаряд за снарядом. Силы, которая превращает обгоревший остов машины в вечный символ — «Непробиваемые».

Чтобы понять подвиг, нужно увидеть поле, на котором он вырос. Не как абстрактное «где-то на южном направлении», а как конкретную, стесненную в координатах землю, пропитанную тактикой, страхом и решимостью. Место, где география становится союзником или палачом.

Представьте карту, не усыпанную флажками армий, а почти пустую. Линия соприкосновения — нервный, изломанный шрам. А на ней — точка. Назовем ее условно: **высота «Янтарная», район села Пологи**.

Это был не просто клочок земли. Это был **ключ**, на карте командования: узкая, но смертельно важная ниточка, перерезав которую, противник мог развязать весь узел обороны. С севера — позиции наших войск, их тылы, пути снабжения, резервы. С юга — клин прорыва, отточенный, нацеленный именно сюда.

Тактическая анатомия рока:

Дорога «Жизни» (и смерти). Единственная твердая грунтовка, идущая параллельно фронту и соединяющая ротные опорные пункты. По ней шли боеприпасы, медикаменты, смена. Потеря контроля над ее отрезком — значит изоляция нескольких гарнизонов. Её и называли «артерией».

«Балка Еремеева». Глубокий, заросший кустарником овраг, естественный танкоопасный рубеж. В теории — идеальная позиция для обороны. На практике в тот день он стал скрытной подковой, внутри которой, как в гигантской воронке, собрались и разогнались для броски восемь вражеских бронемашин. Балка скрыла их сосредоточение до последнего момента.

Высота 212.6 («Старик»). Низкий, пологий курган, господствующий над местностью на километры. Тот, кто контролирует его, видит всё: и движение по дороге, и ту самую балку. Но в утренней мгле 4 октября, в густом предрассветном тумане, «Старик» на мгновение ослеп. А мгновения на войне достаточно.

Опорный пункт «Ястреб». Небольшое укрепление, пехотное отделение с пулеметами и ПТРК. Его задача — прикрывать дорогу и быть «глазами». Именно его дозорные первыми услышали лязг гусениц из тумана, но силы для отражения танковой лавины у них не было. Их радиоэфир с криком «Броня! Много брони!» стал первым спазмом тревоги.

Позиция «Алёши». Отмечена не красным флажком, а жирным крестом на полевой карте. Стоял он на окраине поля, между высотой и дорогой, у разбитой фермы. Не лучшая позиция с точки зрения учебника — мало укрытий. Но единственно возможная, чтобы перекрыть выход из балки на твердую землю. Он был не на высоте, он был **в проходе**. Как последний шлюз перед плотиной.

Именно здесь, на этой карте размером три на четыре километра, судьба сплела свою ловушку. Восемь машин, вырвавшихся из складки «Балки Еремеева», должны были, по замыслу противника, как таран пробить дорогу, смять «Ястреба», выскочить на оперативный простор и ударить в тыл.

Им противостоял один зеленый квадратик с надписью «Т-80». Один против восьми. Лавина против шлюза.

Эта карта — не просто план местности. Это шахматная доска, где ценой каждой клетки была жизнь и стратегический успех. Это топография неизбежного боя, где холмы, овраги и дороги стали немymi соучастниками драмы, определив и страшную уязвимость «Алёши», и его невероятную тактическую силу. Он стоял не «где-то». Он стоял **именно здесь** — на роковом рубеже, где сходились все линии судьбы. Там, где решалось, станет ли эта точка на карте местом прорыва или местом легенды.

Часть I: Люди внутри стали

Глава 1. Экипаж «Алёши». Не иконы, а лица

Их называли «сталеварами». Люди, которые варят сталь в горниле боя. Но в тот обычный вечер накануне, в звенящей тишине перед бурей, они были просто четырьмя уставшими парнями в промасленных комбезах, пахнущих соляровкой, металлом и крепким чаем.

Они не чувствовали себя символами. Они чувствовали усталость в костях после марша, зудящую стянутость кожи от пота, высохшего под броней, и приятную тяжесть в желудке после ужина — гречневая каша с тушенкой. Их мир был размером с внутренность танка — тесный, функциональный, свой.

Механик-водитель – старший сержант Алексей «Лёха» Марченко.

Ему было 24, и он был самым молчаливым из четверых. Родом из старинного сибирского города Томска, где вместо бульдозеров до сих пор можно увидеть конные упряжки. Отец — водитель-дальнобойщик, мать — школьная учительница. С детства Лёха понимал моторы лучше, чем людей. Его руки, широкие, с короткими, всегда чуть загрязненными маслом пальцами, чувствовали вибрацию «восемьдесятки» как свое собственное сердцебиение. Он знал каждый скрип гусеницы, каждый посторонний шум в трансмиссии. Его мечта была простой и далекой: открыть маленькую авторемонтную мастерскую в родном городе, «чтобы люди не драли с односельчан три шкуры». В танке он был не просто водителем; он был его нервной системой. Он сливался с машиной в одно целое, ощущая ее вес, крен, сцепление с грунтом как продолжение своего тела. Его лучший друг — термос с чаем и потрепанная записная книжка с чертежами и схемами двигателей. В бою он не кричал, а цидил сквозь стиснутые зубы, принимая удары на броню как личные оскорбления.

Командир танка – лейтенант Дмитрий «Митяй» Семёнов.

Москвич, 26 лет. Выпускник Казанского танкового училища, не по благу, а по зову сердца, идущей от деда-танкиста, фамильной чести. Его дед брал Берлин на Т-34. Дмитрий вырос на его историях, пахнущих махоркой и порохом. Он был не из тех командиров, что орут. Его сила была в расчетливой, почти шахматной тишине. Он мечтал не о звездах героя, а о точном выполнении приказа и сохранении экипажа. Его тайная страсть — исторические романы, которые он читал в планшете в редкие минуты затишья. Он терпеть не мог, когда его называли «барином» из-за столичного происхождения, и давно доказал всем, что его место здесь, в грязи и солярке, рядом с ними. В его планшете, рядом со схемами, лежала фотография невесты, Кати. Они планировали свадьбу на май, «когда всё это закончится». Он был мозгом «Алёши», его холодным, анализирующим центром, который в кризис отключал эмоции, оставляя только скорость реакции и чёткость команд.

Наводчик-оператор – сержант Павел «Паштан» Таштанкулов.

Башкир из Уфы, 23 года. Потомственный охотник. Его отец и дед учили его терпению, умению читать следы и чувствовать цель за версту. В танке он нашел свое истинное призвание. Для него прицел «Сосна-У» — это не оптика, а продолжение глаза. Он видел не просто пиксели на экране, а дыхание цели: как припадает на подвеске боевая машина, как отводит ствол наводчик противника. Его мечта была самой поэтичной: купить отцу новую, хорошую лодку для рыбалки на Белой реке. Павел обладал феноменальной реакцией и странным, врожденным спокойствием. Пока другие нервничали перед боем, он методично протирал линзы прицелов и проверял баллистический вычислитель, будто готовил ружье к охоте на уток. Его кресло было кабиной снайпера, а 125-миллиметровая пушка — огромной, сверхточной винтовкой. Экипаж

шутил, что «Паштан может попасть в муху с двух километров, если она сидит на лобовой броне «Леопарда».

Заряжающий – младший сержант Артём «Тёма» Глушков.

Парень из Ростова-на-Дону, 21 год. Бывший студент колледжа физкультуры, полупрофессиональный тяжелоатлет. Широкоплечий, с открытой улыбкой и неиссякаемым запасом баек. Он был мотором, «сердцем» экипажа. Там, где другие терялись, Тёма шутил. Его мечта была самой грандиозной и простодушной: открыть свой фитнес-клуб у моря, «чтобы люди становились сильными и красивыми». В тесном пространстве боевого отделения он был подобен титану. Его работа — это ритм. Ритм, от которого зависела жизнь. Вес снаряда — больше 20 килограммов. Нужно было выхватить его из карусели, дослат в казенник, крикнуть «Готово!» — и все это в пляшущих отражениях пламени, в дыму, под диким гулом и тряской. Он не просто заряжал пушку — он выдыхал в сталь душу скорострельности. В его натруженных мышцах жила та самая «механика», которая должна была превозмочь любую рану, любую неисправность.

В ту ночь, накануне, они не говорили о высоком. Лейтенант Семёнов проверял связь и карты. Марченко, высунувшись по пояс из люка, ковырялся в блоке фильтров. Павел и Артём пили чай, стоя на броне, глядя на зарево на западе. Говорили о доме. О том, как Тёма учил сестру жарить курицу, а Павел рассказывал про щенка алабая, который родился у них дома перед самой его отправкой.

— Назвал его «Танк», — ухмылялся Павел.

— Главное, чтобы не как наш, — пошутил Артём, хлопая ладонью по броне. — Чтобы не глох на подъёмах.

— Наш не заглохнет, — тихо, не отрываясь от двигателя, сказал Лёха.

Это были их последние мирные минуты. Четыре судьбы, четыре характера, четыре простых мечты, сплавленные в единое целое броней «Алёши». Они не были символами. Они были людьми: уставшими, скучающими по дому, немного испуганными, но до предела профессиональными. Людьми, которые завтра должны были стать стеной.

Глава 2. «Железный пехотинец». Дом, крепость, оружие

Они будили его не резко, а с почти сыновьим вниманием. Еще до рассвета, когда звезды только начинали бледнеть в бархатном небе, старший сержант Марченко уже ворчал что-то под нос, поглаживая холодную, покрытую инеем броню левого борта. Для экипажа «Алёша» был не «Т-80БВ», не изделие «Объект 219Р», а живым существом. Суровым, требовательным, но своим. Их домом на колесах. И, в сущности, их главным товарищем по оружию.

Пока Артём готовил на переносной горелке чай, а Павел протирал прицелы, Алексей совершал утренний ритуал. Он открывал решетчатые жалюзи моторно-трансмиссионного отделения. И вместо привычного дизельного рычания, здесь жило иное сердце — **газотурбинный двигатель ГТД-1250Т**. 1250 лошадиных сил. Не просто мощность, а стихия. Лёха фанатично проверял уровни, шупал патрубки. Этот движок был его гордостью и головной болью.

— Чувствительный, как балерина, — говорил он, — дышать боится пылью. Зато, тронувшись с места, он не едет — он срывается.

Это был ключевой нерв характера «Алёши». Неутомимая прыть, способность выдать феноменальные 70 км/ч по шоссе. Танк не готовился к долгой осаде — он был создан для яростного, стремительного контрудара. Для броска. Именно эта турбинная душа позже сыграет свою роковую и спасительную роль: даже подбитый, с раненым механиком, «Алёша» успеет рвануться на несколько критических метров, заняв единственно верную позицию, благодаря чему и выстоит.

Лейтенант Семёнов, обходя машину, мысленно прощупывал её защиту. Комбинированная броня лба корпуса и башни, «черепеха» из стали, текстолита и еще раз стали. Навесные блоки динамической защиты «Контакт-5» на башне и бортах, похожие на кирпичики детского конструктора. Они были его щитом, его крепостными стенами.

— Наш дом, — говорил он экипажу, — самый крепкий в округе. Но и у крепости есть калитки.

И он показывал на слабые места: стык башни и корпуса, корму, нижнюю лобовую деталь. Он знал, что броня — это не только сталь. Это прежде всего **неподвижность**. неподвижность, умноженная на волю. Крепость становится неприступной не тогда, когда её стены толще, а когда защитники не сдают ни пяди земли за этими стенами. И Семёнов готовил экипаж именно к такому — к обороне до последнего.

Павел «Паштан» в это время сливался с машиной через её зрение. **Прицельно-наблюдательный комплекс 1Г46 «Иртыш»** с лазерным дальномером и баллистическим вычислителем был для него продолжением сознания. Он не просто видел цель. Он вводил поправки на влажность, температуру заряда, износ канала ствола. Рядом — тепловизионный канал «Буран-ПА». Он позволял видеть в темноте, в дыму, в тумане.

— Это мое ружьё, — говорил Павел, поглаживая рукоятки наведения. — Только весом в сорок шесть тонн.

Его спокойная, охотничья точность была второй душой «Алёши». Стальной хищник с феноменальной реакцией и нечеловечески точным укусом.

В боевом отделении пахло металлом, маслом и пороховой гарью. Здесь было царство Артёма. Гладкоствольная **125-мм пушка 2А46М-1** — это была его прямая ответственность. Автомат заряжания, карусель на 22 выстрела в нижней части башни, — но Тёма его не любил, считал капризным. В критической ситуации он полагался на свои руки и мускулы. Он знал наизусть весь боекомплект: бронебойные подкалиберные «иглы» ЗБМ42 «Манго» для тяжелой брони, фугасные ЗОФ26 для пехоты и укреплений, управляемые ракеты 9К119 «Рефлекс».

— Это наш ритм, — говорил он, хлопая по казеннику. — Без ритма мы просто железная коробка.

Его сила и выносливость должны были стать тем метрономом, который отбивал бы такт боя даже тогда, когда автоматика умолкнет.

Тактико-технические характеристики на бумаге: скорость, броня, калибр. Но в реальности — это была их общая кожа, их общие мускулы и нервы. Турбина Лёхи, команды Митяя, глаз Паштана, ритм Тёмы. Вместе они были больше, чем просто сумма экипажа и машины. Они были единым организмом — **«железным пехотинцем»**.

Перед рассветом, когда проверка была закончена, лейтенант Семёнов поставил ладонь на броню башни, уже начинавшую согреваться от первых лучей.

— Ну что, «Алёша», постояли тут, пора и честь знать. Сегодня нам с тобой держать проход. Не подведи.

И танк, будто отвечая, издал тихий, едва слышный шелчок остывающего металла. Он был готов. Не просто машина по приказу. А дом, который не отдадут. Крепость, которую не сломят. Оружие, которое не замолчит.

Глава 3. Тишина перед бурей. Затишье на рубеже «Янтарном»

Тишина на передовой — понятие относительное. Это не абсолютная тишина, а тяжелый, насыщенный гул, похожий на дыхание спящего гиганта. Где-то далеко, за холмами, бухал артиллерийский «вальс» — методичная работа ствольной артиллерии. Временами сухой треск пролетал над головой — это работали снайперы или разведчики. Свистел ветер в разбитой антенне на крыше покинутого фермерского дома. Но здесь, на их участке, который на картах

КНП именовался «**Рубеж “Янтарный”**», **сектор обороны 5Б**», было по-настоящему тихо. Слишком тихо.

Эта тишина резала слух лейтенанта Семёнова острее, чем любой грохот.

Накануне вечером на КП батальона капитан Макаров, чье лицо было изрезано усталостью глубже, чем траншеями, тыкал пальцем в тепловизионную съемку.

— Смотри, «Митяй». Видишь эту балку? «Балка Еремеева». Глубина до семи метров, густой подлесок. Наши «Орланы» последние три дня фиксируют тепловые аномалии. Мелькают и гаснут. Они там копятяся. Как тараканы в щели.

Обстановка была напряженной, но стабильной. Их бригада, измотанная двухнедельными боями, держала растянутый фронт. Справа — укрепрайон «Крепость», слева — плацдарм «Мост». Их же сектор, 5Б, считался второстепенным. Узкая полоса между двумя сильными узлами обороны. Классическое «бутылочное горлышко».

— Разведка докладывает о восьми единицах бронетехники, — продолжил капитан. — Два «Т-72Б», один М113, пять БМП «МаххРо». Усиленная механизированная рота. Их задача ясна: клином войти в нашу «щель», выйти в тыл к «Крепости», разрезать наш фронт пополам и вызвать панику. Если прорвутся здесь, нам придется отступать с двух ключевых позиций. Это не прорыв, Митяй. Это **хирургический разрез**. А мы — та самая тонкая кожа, которую нужно разрезать.

Почему это был смертельный риск:

Тактический дисбаланс. Прорыв на стыке — излюбленный прием. Наша оборона здесь была «жидкой»: пехотные окопы, минированные поля, несколько расчётов ПТРК «Корнет» и их танк, «Алёша», как единственная мобильная тяжелая единица. Против восьми, преимущественно быстрых, современных машин.

Психологический эффект. Успех даже небольшой группы в глубоком тылу парализует управление. Начинается хаос, паника, «дружественный огонь».

Символическое значение. Рубеж «Янтарный» был последним естественным препятствием перед оперативным простором. Его потеря открывала дорогу на следующую линию обороны, до которой было 15 километров чистой степи. 15 километров, которые противник мог преодолеть за полчаса.

Вернувшись, Семёнов собрал экипаж на броне под уже черным, усыпанным звездами небом. Он передал сухую, жёсткую информацию без прикрас.

— Ждать будем здесь. Наша задача — не пропустить. Во что бы то ни стало. Они пойдут через балку, выход — вот здесь, перед нами. Мы — пробка.

Тишина после его слов была особенной. Она была не пустой, а густой, как кисель. Каждый переваривал услышанное.

Лёха, сидя на корточках у гусеницы, машинально проверял её пальцами на предмет ослабших траков. Он думал о том, как поведёт себя турбина в утренней сырости, не собьётся ли с ритма при первом резком рывке.

Павел смотрел в сторону «Балки Еремеева», превратившейся в темное, беззвездное пятно на фоне ночи. Его охотничий инстинкт сканировал эту тьму. Он мысленно прикидывал дистанции, углы. «Глаз бога» искал будущие цели в черном мареве.

Артём, обычно болтливый, молча перебирал снаряды в укладке, шелкая замками. Его мысли были ритмичны, как удар метронома: «Бронебойный... фугасный... кумулятивный...». Он считал не штуки, а секунды. Сколько секунд у него будет между выстрелами.

Сам Семёнов смотрел на карту в планшете, подсвеченную тусклым зеленым светом. Он видел не линии, а живые силы. Восемь иконок противника против одного зеленого квадрата с надписью «Т-80 БВ, экипаж лейтенанта Семёнова». Он думал не о славе, а о геометрии. О том, как развернуть башню, чтобы сектор обстрела был максимальным. О том, куда откатиться

после первого выстрела. О том, что его первый приказ в бою должен быть предельно точен. От этого зависело, увидят ли они восход.

Ночь прошла в странном промежутке между сном и бодрствованием. Они дремали в креслах, чутко реагируя на каждый далекий хлопок. В четыре утра туман, предсказанный метеосводкой, начал стелиться по низинам, превращая балку в белесое молочное море. Идеальная маскировка для атаки.

Перед самым рассветом, когда тишина стала абсолютной и звенящей, будто перед раскатом грома, Лёха завёл двигатель. Газотурбинный вой, приглушенный закрытыми люками, наполнил внутренность танка привычной, успокаивающей вибрацией. «Алёша» проснулся. Он вдохнул холодный воздух, втянул в себя запах солярки и стал тем, кем его задумали конструкторы: боевой машиной.

Тишина кончилась. Ее сменило иное состояние — **предгрозовое напряжение**, растянувшееся на последние несколько минут мира. Восемь теней уже шевелились в молочной кипени тумана. А один железный пехотинец, внутри которого бились четыре сердца, замер на рубеже, заведенный, готовый, злой.

Прорыв был критически опасен не потому, что противник был многочислен. А потому, что он был точен, как скальпель. И остановить скальпель можно было только став непробиваемой костью на его пути. Костью, которая ломает лезвие.

Часть II: Часовой на краю прорыва

Глава 4. «Восемь теней в тумане»

Туман не плыл, а лежал. Густой, белесый, мертвый. Он заполнил «Балку Еремеева» до краев, как ватой заткнул уши земли, поглощая все звуки. В такую мглу верилось только в призраков. И призраки пришли.

06:17. Радиошифр «Тревога-05».

Первым их услышал не «Алёша». На передовом наблюдательном пункте «Ястреб», замаскированном в развалинах фермы в трехстах метрах левее, ефрейтор Соколов, прильнувший к тепловизионному перископу, резко дернул голову.

— Борт-01, я «Гном»! — его голос, сдавленный от ужаса, прорвался в общем эфире. — В балке! Цели! Много целей! Передвигаются к восточному выходу!

В наушниках Семёнова, до этого заполненных лишь шипением пустоты, этот выкрик прозвучал как разряд тока. Он нажал клавишу переговорного устройства:

— Экипаж, к бою. «Гном» докладывает о движении в балке. Лёха, заводи. Паша, сканируй западный сектор, тепловизор. Тёма, докладывай готовность БК.

Мотор «Алёши», работавший до этого на малых оборотах, с рычанием взвыл, выдыхая струи горячего воздуха, которые тут же растворялись в тумане. Внутри башни загорелись экраны. Павел припал к окуляру «Бурана». Черно-зеленый мир тепловизора прорезал белую пелену. И он их увидел.

06:23. Первый контакт.

— Командир, вижу... — голос Павла был непривычно монотонным, будто он считывал данные со счетчика. — Первая цель. Тепловой силуэт... длинный ствол, задранная корма. Похоже на «Т-72». Дистанция... полтора километра. Выходит из балки на грунтовку.

На экране танкового планшета у Семёнова со спутника КНП начали появляться стрелочки-метки. Разведка с БПЛА, летавшего выше тумана, подтверждала и уточняла.

— Вторая цель, — продолжал Павел, — еще один «Т-72». Левее. За ним... три, нет, пять силуэтов МаххPro. Следом... один БМП. «М113». Все восемь. В сборе.

Восемь. Цифра, прозвучавшая в тесном, пропахшем озоном от электроники пространстве, повисла тяжелым свинцом. Восемь против одного. Тактическая математика, не оставлявшая места иллюзиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.